Экономика и энергетика как «якорь» устойчивости российско-турецкого партнёрства в условиях политической турбулентности

Попов Владислав Сергеевич
аспирант кафедры международных отношений, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

В статье анализируется роль торгово-экономического и энергетического взаимодействия как фундаментального стабилизирующего фактора («якоря») российско-турецких отношений в XXI веке. На основе неореалистического подхода и теории международной взаимозависимости автором детально исследуется динамика двустороннего товарооборота в условиях масштабных геополитических кризисов и жесткого санкционного давления. В работе подробно рассматриваются ключевые этапы эволюции торгово-экономических связей, а также выявляется специфика их восстановления после периодов политической напряженности. Особое внимание уделено энергетическим мегапроектам в сфере газовой инфраструктуры и атомной энергетики (АЭС «Аккую»), которые формируют долгосрочную технологическую, финансовую и экономическую привязку сторон. Автор доказывает, что экономический прагматизм и тактика разделения спорных вопросов («компартментализация») позволяют Москве и Анкаре эффективно сохранять общую устойчивость партнерства в условиях формирующегося полицентричного мира. В заключении статьи дается прогностическая оценка развития двусторонних связей, анализируются риски усиления вторичного санкционного давления со стороны западных стран и намечаются возможные пути адаптации финансово-расчетных систем России и Турции к новым геополитическим реалиям.

Ключевые слова: Россия; Турция; российско-турецкие отношения; экономическая взаимозависимость; энергетическое сотрудничество; «Турецкий поток»; АЭС «Аккую»; экономический прагматизм; компартментализация; полицентричный мир; внешняя политика; вторичные санкции; двусторонний товарооборот; геополитический кризис; адаптация финансовых систем.

Введение

Российско-турецкие отношения в XXI веке демонстрируют парадоксальную устойчивость на фоне регулярных политических кризисов, расхождений по ключевым региональным вопросам и неоднократных периодов резкого ухудшения двустороннего диалога. В отличие от классических союзнических или интеграционных форматов, партнёрство России и Турции развивается в условиях структурной асимметрии интересов, конкуренции в зонах регионального влияния и отсутствия устойчивой ценностной базы. Тем не менее, двусторонние связи сохраняют функциональность даже после острых кризисов — от сирийского конфликта до инцидента со сбитым российским самолётом в 2015 г., а также в условиях масштабного санкционного давления на Россию и глубокой трансформации внешнеполитического курса Турции.

В этой связи особую исследовательскую значимость приобретает анализ тех факторов, которые обеспечивают воспроизводство российско-турецкого партнёрства в условиях высокой политической турбулентности. В научной литературе устойчивость двусторонних отношений традиционно связывается либо с институциональной интеграцией, либо с наличием устойчивых союзнических обязательств. Однако российско-турецкий кейс не укладывается в данные модели: при отсутствии формализованных союзных механизмов партнёрство демонстрирует способность к адаптации и восстановлению после кризисов. Это позволяет выдвинуть гипотезу о наличии иных, неинституциональных факторов устойчивости, прежде всего связанных с экономической и энергетической взаимозависимостью.

Экономическое сотрудничество и энергетические проекты в российско-турецких отношениях формируют устойчивые каналы взаимодействия, вовлекающие широкий круг государственных, корпоративных и региональных акторов. Торгово-экономические связи, туристические потоки, инвестиционные проекты, а также крупные энергетические инфраструктурные инициативы (включая газовые маршруты и строительство АЭС «Аккую») создают материальную и институциональную основу для поддержания двустороннего диалога даже в условиях политических конфликтов. При этом данные формы взаимодействия обладают собственной логикой воспроизводства, относительно автономной от колебаний политической конъюнктуры.

Цель настоящей статьи заключается в выявлении роли экономико-энергетического взаимодействия России и Турции как фактора устойчивости двустороннего партнёрства в условиях политической турбулентности. В рамках исследования ставится задача проанализировать теоретические подходы к пониманию экономики как стабилизирующего элемента международных отношений, проследить динамику торгово-экономических связей России и Турции в 2000–2025 гг., а также показать структурную роль энергетических проектов как «якорей» двусторонних отношений. Автор исходит из предположения, что экономико-энергетическая взаимозависимость не устраняет политические противоречия, но формирует устойчивый каркас взаимодействия, снижающий вероятность полного разрыва партнёрства и способствующий поиску компромиссных решений.

1. Теоретическая рамка: экономика как фактор устойчивости

В современных исследованиях международных отношений экономическое взаимодействие государств рассматривается как ключевой фактор устойчивости двусторонних связей. В отличие от классического реализма, акцентирующего внимание на балансе сил и военно-политическом соперничестве, неореализм и институционализм допускают, что экономическая взаимозависимость модифицирует поведение государств, снижая вероятность эскалации конфликтов и формируя стимулы к сотрудничеству.

С точки зрения неореализма, государства действуют исходя из национальных интересов и максимизации безопасности, однако инструментом достижения этих целей становятся именно экономические связи. Как отмечает К. Уолтц, в условиях анархичной международной системы государства вынуждены обеспечивать свою устойчивость через диверсификацию внешнеэкономических связей и формирование выгодных зависимостей. Экономическое партнёрство выступает не как альтернатива силовой политике, а как её дополнение, снижающее издержки конфронтации[1].

В классическом политическом реализме экономическое измерение долгое время считалось вторичным по отношению к безопасности. Однако в работах Г. Моргентау прослеживается идея о том, что экономические инструменты выступают средством реализации национальных интересов, влияющим на поведение других акторов. По его утверждению, интерес, определяемый в терминах власти, включает в себя не только военную, но и экономическую составляющую[2].

Современные интерпретации неореализма, в частности в трудах Дж. Миршаймера, подчеркивают, что великие державы прагматично сочетают конфронтационные и кооперационные инструменты. Экономическое сотрудничество не противоречит логике соперничества, а используется как инструмент временной стабилизации отношений, позволяющий избежать издержек прямого конфликта. Экономические связи выступают элементом стратегического маневрирования, а не признаком гармонизации интересов[3].

Развитие данной логики привело к формированию концепции взаимозависимости Р. Кеохейна и Дж. Ная, показавших, что плотные экономические связи делают разрыв отношений затратным для всех участников. При этом взаимозависимость часто носит асимметричный характер, создавая рычаги влияния для более сильного или технологически развитого партнёра[4].

Степень уязвимости государства в рамках асимметричной взаимозависимости определяется возможностью быстро и с минимальными издержками заменить партнёра. При высокой стоимости замещения даже политически конфликтующие государства заинтересованы в сохранении экономических связей. Данный подход подтверждается практикой начала XXI века. В частности, кризис между Россией и ЕС после 2014 г. показал, что в условиях санкционного противостояния стороны сохраняли значительные объёмы взаимодействия в энергетической сфере. Аналогичная логика прослеживается в отношениях России и Турции, где экономическое сотрудничество не прекращается в периоды политических кризисов, а в ряде случаев даже усиливается[5].

В рамках институционального подхода экономическое сотрудничество дополняется устойчивыми правилами. Как подчёркивает Д. Норт, институты снижают неопределённость и транзакционные издержки, закрепляя долгосрочные формы взаимодействия через контракты, совместные проекты и инфраструктурные связи, которые трудно разорвать без значительных потерь[6].

Важным элементом анализа является концепция «экономического прагматизма», используемая в исследованиях внешней политики региональных держав. Государства, не обладающие глобальным доминированием, компенсируют ограничения военно-политического характера через расширение экономических связей и участие в инфраструктурных проектах, что позволяет повышать их роль в международной системе без прямой конфронтации.

Применительно к Турции данная логика отражена в концепции «стратегической автономии» А. Давутоглу, предполагающей использование экономических инструментов для диверсификации внешнеполитических связей и снижения зависимости от Запада. Сближение с Россией в энергетической и торговой сферах выступает элементом этой стратегии[7].

Для России экономическое сотрудничество с Турцией приобретает значение инструмента геоэкономического влияния в условиях санкционного давления. Как отмечает Д.В. Тренин, Москва рассматривает внешнеэкономические связи как механизм формирования устойчивых зон влияния, основанных на инфраструктурной и технологической взаимозависимости. Взаимодействие с Турцией становится частью более широкой стратегии адаптации к изменяющейся международной среде[8].

Эмпирическим кейсом, подтверждающим данные положения, является кризис российско-турецких отношений 2015–2016 гг., вызванный инцидентом с Су-24. Несмотря на введение санкций, уже в течение года стороны вернулись к активному сотрудничеству. Ключевым фактором нормализации стало осознание обеими сторонами высокой стоимости разрыва экономических связей[9].

Аналогичная ситуация наблюдалась в контексте сирийского конфликта, где Россия и Турция поддерживали противоположные стороны, но продолжали координировать действия и развивать экономическое сотрудничество. Это подтверждает тезис о том, что экономические интересы сдерживают эскалацию при наличии политических противоречий.

Особенно показателен период после 2022 г., когда в условиях масштабных антироссийских санкций Турция расширила взаимодействие, выступив в качестве важного торгово-логистического хаба. Это свидетельствует о том, что экономическая взаимозависимость усиливается под внешним давлением, превращаясь в инструмент адаптации к геополитическим реалиям.

Особое значение приобретает энергетическое сотрудничество как наиболее «жёсткая» форма взаимозависимости. Энергетические проекты отличаются высокой капиталоёмкостью и технологической сложностью. В отличие от обычной торговли, энергетическая инфраструктура формирует долговременную привязку государств друг к другу, выступая фактором геополитической стабильности.

Таким образом, можно выделить три механизма, через которые экономика обеспечивает устойчивость международных отношений: рост издержек конфликта, делающий разрыв связей невыгодным; формирование институциональных рамок, закрепляющих договорённости; создание инфраструктурной взаимозависимости, особенно в энергетической сфере, ограничивающей возможности резкого изменения внешнеполитического курса.

Указанные положения позволяют рассматривать экономико-энергетическое взаимодействие как структурный элемент системы международных отношений, обеспечивающий её устойчивость в условиях политической турбулентности. Именно в этом контексте российско-турецкое партнёрство представляет особый интерес, поскольку сочетает в себе элементы конкуренции и тесной экономической взаимозависимости, выступающей «якорем» стабильности[10].

2. Торгово-экономическая динамика российско-турецких отношений (2000–2026 гг.)

Развитие торгово-экономического сотрудничества между Россией и Турцией в XXI веке представляет собой ключевой эмпирический материал для анализа устойчивости двустороннего партнёрства. В отличие от политического взаимодействия, характеризующегося цикличностью и кризисными колебаниями, экономические связи демонстрируют выраженную тенденцию к восстановлению и росту даже после периодов серьёзного ухудшения отношений. Это позволяет рассматривать торгово-экономическое измерение как относительно автономную подсистему, обладающую собственной логикой воспроизводства[11].

Структурированный анализ динамики товарооборота позволяет более наглядно проследить устойчивость экономических связей. В начале 2000-х гг. российско-турецкие экономические отношения находились на стадии активного становления. Объём товарооборота в 2000 г. составлял около 4–5 млрд долл., однако уже к середине десятилетия он увеличился более чем в три раза, что было обусловлено как ростом цен на энергоносители, так и расширением взаимной торговли промышленной и сельскохозяйственной продукцией. К 2008 г. товарооборот достиг пикового для того периода значения порядка 38 млрд долл., увеличившись почти в восемь раз по сравнению с началом века, что свидетельствовало о формировании устойчивой экономической взаимозависимости[12].

Глобальный финансовый кризис 2008–2009 гг. привёл к временному снижению показателей до уровня примерно 22–23 млрд долл., однако уже к 2011–2012 гг. объёмы торговли восстановились, вновь приблизившись к уровню 30–33 млрд долл. Данный период характеризуется не только количественным ростом, но и усложнением структуры экономических связей: наряду с традиционным экспортом российских энергоносителей и импортом турецкой сельскохозяйственной продукции возрастает роль строительных услуг, инвестиций и туристического сектора.

Существенным испытанием для двусторонних экономических отношений стал кризис 2015–2016 гг., вызванный инцидентом со сбитым российским самолётом. Введение Россией ограничительных мер, включая запрет на импорт отдельных видов турецкой продукции, ограничения в туристической сфере и заморозку ряда инвестиционных проектов, привело к резкому сокращению товарооборота, который в 2016 г. снизился до 15–16 млрд долл. Однако уже в течение следующего года после нормализации политических отношений наблюдается быстрый восстановительный рост.

Данный кейс представляет особый интерес с точки зрения теории взаимозависимости. Несмотря на наличие политического конфликта и применение экономических санкций, стороны не были заинтересованы в долгосрочном разрыве связей. Экономические потери от разрыва оказались значительными для обеих сторон, что стимулировало ускоренное восстановление сотрудничества. Таким образом, экономическая взаимозависимость проявила себя как фактор, ограничивающий глубину и продолжительность конфликта[13]. В последующий период (2017–2021 гг.) торгово-экономическое сотрудничество не только восстановилось, но и достигло новых уровней. К 2019 г. товарооборот вновь превысил 25–26 млрд долл., а к 2021 г. приблизился к 33 млрд долл. При этом важной особенностью данного этапа стало усиление роли крупных инфраструктурных проектов и углубление инвестиционного взаимодействия.

Качественно новый этап в развитии экономических связей наступил после 2022 г., когда Турция заняла особую позицию в условиях санкционного давления на Россию. Отказ Анкары присоединиться к антироссийским санкциям привёл к значительному росту торгового оборота, который в 2022 г. превысил 60 млрд долл., что отразило качественную трансформацию роли Турции в российской внешнеэкономической системе, а в последующие годы стабилизировался на уровне 50–60 млрд долл[14]. При этом Турция фактически превратилась в один из ключевых логистических и финансовых хабов, обеспечивающих доступ России к внешним рынкам.

Роль Турции как посредника и транзитного узла проявилась в нескольких направлениях. Во-первых, значительно увеличился объём реэкспорта товаров, включая продукцию двойного назначения и компоненты, ранее поставлявшиеся из стран Европейского союза. Во-вторых, Турция стала важным каналом для финансовых операций, несмотря на постепенное ужесточение внешнего давления. В-третьих, усилилось значение транспортно-логистических маршрутов через турецкую территорию, включая морские и сухопутные коридоры. С точки зрения теоретического анализа данный этап демонстрирует трансформацию экономической взаимозависимости в инструмент адаптации к внешнему давлению. Если ранее экономические связи выполняли преимущественно стабилизирующую функцию, то после 2022 г. они стали также механизмом обхода ограничений и поддержания внешнеэкономической активности. Это подтверждает тезис о том, что экономическое сотрудничество может не только снижать вероятность конфликта, но и обеспечивать устойчивость государств в условиях кризиса.

Вместе с тем данная модель взаимодействия сопряжена с возрастающими санкционными рисками. Усиление вторичных санкций со стороны США и Европейского союза привело к существенному ужесточению контроля за финансовыми операциями и ограничению деятельности отдельных турецких банков, что создало дополнительные барьеры для двустороннего взаимодействия в банковской сфере, привело к задержкам транзакций и усложнению торговой логистики. Это свидетельствует о том, что экономическая взаимозависимость, несмотря на свою устойчивость, остаётся уязвимой к внешнему давлению и требует постоянной адаптации.

Важным аспектом является и структурная асимметрия торгово-экономических отношений. Россия выступает преимущественно как поставщик энергоносителей и сырья, тогда как Турция — как поставщик товаров с более высокой степенью переработки, а также услуг. Такая структура создаёт взаимную, но неравномерную зависимость: Турция заинтересована в стабильных поставках ресурсов, тогда как Россия — в доступе к рынкам сбыта и логистическим возможностям. Именно сочетание взаимной выгоды и асимметрии делает подобные отношения устойчивыми, поскольку каждая сторона сохраняет стимулы к их поддержанию.

Таким образом, анализ динамики торгово-экономических связей России и Турции в XXI веке позволяет сделать вывод о том, что данное направление взаимодействия обладает высокой степенью устойчивости и адаптивности. Экономическое сотрудничество не только переживает политические кризисы, но и в ряде случаев усиливается в условиях внешнего давления, превращаясь в один из ключевых факторов сохранения партнёрства. Это подтверждает выдвинутую в статье гипотезу о том, что экономика выполняет роль базового стабилизатора российско-турецких отношений, создавая материальную основу для их воспроизводства.

3. Энергетическое сотрудничество как «якорь» устойчивости

Газовые проекты и атомная энергетика

В системе российско-турецкого партнёрства энергетическое сотрудничество занимает центральное место, вы-

ступая не только ключевым направлением экономического взаимодействия, но и структурообразующим элементом двусторонних отношений. В отличие от других сфер сотрудничества, энергетика характеризуется высокой капиталоёмкостью, долгосрочностью контрактных обязательств и технологической сложностью, что делает её одним из наиболее устойчивых компонентов международных связей, обладающих повышенной инерционностью[15].

С точки зрения теории международных отношений, подобное энергетическое взаимодействие может быть интерпретировано через призму неореалистического подхода, в рамках которого государства стремятся использовать экономические и технологические ресурсы для усиления своих позиций, закрепления влияния и частичного ограничения свободы манёвра других государств. В этом контексте крупные энергетические инициативы становятся не просто классическими коммерческими соглашениями, но и инструментами формирования долгосрочных зависимостей, способных оказывать стабилизирующее воздействие на внешнеполитическое поведение.

Газовое сотрудничество между Россией и Турцией имеет длительную историю, однако в XXI веке оно приобрело качественно новый, институционально закреплённый характер благодаря развитию масштабных инфраструктурных проектов, обеспечивающих прямые поставки сырья на турецкий рынок в обход транзитных стран. Запуск газопровода «Голубой поток» в 2003 г. стал важным шагом на этом пути, позволив существенно снизить риски политических перебоев. Дальнейшее развитие данного направления связано с реализацией и введением в эксплуатацию в 2020 г. проекта «Турецкий поток». Газопровод состоит из двух ниток: одна предназначена для внутреннего потребления Турции, другая — для транзита российского газа в страны Южной и Юго-Восточной Европы. Данный проект превратил Анкару в важный региональный транзитный узел, изменив баланс сил в южной энергетической архитектуре[16].

С точки зрения экономической взаимозависимости «Турецкий поток» формирует жёсткую инфраструктурную связку, разрыв которой сопряжён с критическими издержками для обеих сторон. Турция получает гарантированные объёмы газа по стабильным ценам, что принципиально важно для обеспечения её национальной энергетической безопасности, тогда как Россия обретает надёжный рынок сбыта и диверсифицирует экспортные маршруты. По оценкам международных энергетических агентств, доля российского газа в структуре турецкого импорта стабильно остаётся значительной, колеблясь в пределах 30–50%. Несмотря на активные усилия Анкары по диверсификации за счёт поставок сжиженного природного газа (СПГ) из Катара и США, российское направление сохраняет ключевое значение благодаря развитой сети и долгосрочным контрактам[17]. Обсуждение создания на территории Турции полноценного газового хаба и расширение расчётов в национальных валютах только усиливают этот тренд. В результате формируется ситуация взаимной заинтересованности, при которой полное прекращение сотрудничества становится экономически нецелесообразным для обоих государств.

Если газовое сотрудничество формирует основу энергетической взаимозависимости, то атомная энергетика выводит её на качественно новый уровень, трансформируя в глубокую технологическую привязку. Проект строительства АЭС «Аккую», реализуемый российской государственной корпорацией «Росатом», представляет собой уникальный пример модели build-own-operate (строительство – владение – эксплуатация), при которой иностранная компания не просто строит объект, но и сохраняет контроль над его эксплуатацией, поставками ядерного топлива, техническим обслуживанием, обучением персонала и утилизацией отходов на протяжении всего жизненного цикла, рассчитанного на десятилетия.

С научной точки зрения данная модель существенно усиливает асимметричный характер зависимости принимающей стороны. Если газовые поставки теоретически поддаются замещению в среднесрочной перспективе, то атомная энергетика интегрирует Турцию в российскую технологическую экосистему на многие годы вперёд. Смена поставщика в подобных мегапроектах практически невозможна без катастрофических финансовых и временных потерь. Это в полной мере соответствует логике так называемой «структурной власти», когда влияние осуществляется не через прямое политическое принуждение или давление, а через формирование условий, объективно ограничивающих свободу стратегического выбора партнёра. Вместе с тем, данная взаимозависимость не является строго односторонней: Турция, используя своё выгодное географическое положение и суверенный контроль над проливами и транспортными коридорами, также приобретает весомые рычаги влияния на российскую геоэкономическую политику, выступая ключевым распределительным звеном.

Важным аспектом выступает и финансовая составляющая проекта, стоимость которого оценивается в десятки миллиардов долларов, причём значительная часть первоначального финансирования осуществляется российской стороной. Столь высокая цена потенциального срыва проекта создаёт мощный экономический предохранитель для обеих сторон.

Эмпирические данные полностью подтверждают устойчивость энергетического взаимодействия. Ни острый политический кризис 2015–2016 гг., ни нарастающая геополитическая напряженность после 2022 года не привели к заморозке или сворачиванию ключевых энергетических строек. Напротив, стороны продолжили их планомерную реализацию, что подтверждает статус энергетики как «зоны рационального прагматизма», где фундаментальные экономические интересы и долгосрочные институциональные соглашения преобладают над текущими политическими разногласиями. Энергетическое измерение выполняет одновременно экономическую, политическую и структурную функции, выступая главным материальным «якорем», удерживающим российско-турецкие отношения от деструктивного сценария в условиях системной турбулентности.

4. Сравнительный анализ: пределы экономической взаимозависимости

Для более точного понимания специфики российско-турецкого партнёрства представляется целесообразным сопоставить его с другими примерами международной взаимозависимости, оказавшимися менее устойчивыми в условиях политических кризисов. В частности, отношения России и Европейского союза в энергетической сфере до 2022 г. также характеризовались высокой степенью плотности связей, однако масштабная политическая конфронтация продемонстрировала их ограниченную устойчивость. Разрыв значительной части энергетических и торговых цепочек между Москвой и Брюсселем показал, что экономические интересы не всегда выступают абсолютной гарантией сохранения сотрудничества, если стороны переходят к конфронтации на уровне базовых ценностей и институциональных обязательств перед третьими сторонами.

На этом фоне российско-турецкая модель демонстрирует качественно иную адаптивность. Это объясняется уникальным сочетанием жесткого прагматического подхода лидеров двух стран, отсутствием обязательств Анкары перед евроатлантическими структурами в вопросах

санкционной политики, а также взаимной выгодой от сохранения каналов взаимодействия. Исследователи подчеркивают, что в отличие от институционализированных связей России и ЕС, где решения принимались на наднациональном уровне, российско-турецкий формат опирается на гибкую двухстороннюю координацию, позволяющую быстро изолировать («компартментализировать») экономику от региональных политических споров. Таким образом, устойчивость экономико-энергетического «якоря» в данном случае носит не автоматический, а контекстуально обусловленный и гибкий характер.

5. Перспективы и риски развития партнёрства

В долгосрочной перспективе устойчивость российско-турецких отношений будет определяться способностью сторон балансировать нарастающие факторы риска. Ключевым вызовом среднесрочного периода выступает беспрецедентное усиление вторичного санкционного давления со стороны США и ЕС, которое напрямую бьет по финансово-расчетной системе и логистическим цепочкам, связывающим российские и турецкие предприятия. Как отмечают эксперты, усложнение банковских транзакций и угроза ограничений для турецких операторов создают барьеры, способные снизить динамику товарооборота даже при сохранении обоюдного политического желания развивать связи.

Дополнительным вызовом является постепенная трансформация глобального энергетического рынка и стремление Анкары к диверсификации источников сырья. Несмотря на прочность «якоря» в виде «Турецкого потока» и АЭС «Аккую», Турция продолжает наращивать импорт сжиженного природного газа (СПГ) и развивать собственные черноморские месторождения, что в долгосрочной перспективе может скорректировать объемы асимметричной зависимости от Москвы. Тем не менее, сценарий «углубленного прагматизма» остается наиболее вероятным. Стремление обоих государств к укреплению стратегической автономии[1] и сохранение статуса Турции как незаменимого торгово-коммуникационного моста будут вынуждать стороны адаптировать экономические механизмы к новым геополитическим реалиям[8].

Литература

1. Уолтц, К. Теория международной политики / К. Уолтц // Современная политическая теория: хрестоматия / сост. Т. А. Алексеева. – 2008. – С. 135–167.
2. Моргентау, Г. Политические отношения между нациями: борьба за власть и мир / Г. Моргентау // Теория международных отношений: хрестоматия / сост., науч. ред. и коммент. П. А. Цыганкова. – 2002. – С. 72–88.
3. Миршаймер, Дж. Трагедия политики великих держав / Дж. Миршаймер; пер. с англ. – Москва: АСТ, 2014. – 544 с.
4. Кеохейн, Р. О. Власть и взаимозависимость / Р. О. Кеохейн, Дж. С. Най; пер. с англ. – Москва: Аспект Пресс, 2001. – 432 с.
5. Аватков, В. А. Турция в современном мире: между демократией и авторитаризмом / В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Актуальные проблемы Европы. – 2023. – № 1. – С. 270–288. – DOI: 10.31249/ape/2023.01.12.
6. Норт, Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт; пер. с англ. А. Н. Нестеренко. – Москва: Ф. экономической книги «Начала», 1997. – 180 с.
7. Davutoğlu, A. Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Стратегическая глубина: международное положение Турции] / A. Davutoğlu. – İstanbul: Küre Yayınları, 2001. – 584 s. – Текст: непосредственный.
8. Тренин, Д. В. Новый баланс сил: Россия в поисках внешнеполитического равновесия / Д. В. Тренин. – Москва: Альпина Паблишер, 2021. – 471 с. – ISBN 978-5-9614-5970-8. – Текст: непосредственный.
9. Арешев, А. Г. Положение в Сирии и неоосманские комплексы Эрдогана // «Мягкая сила» и внешняя политика Турции: между экспансией и реалиями: коллективная монография / под ред. Я. А. Амелиной. – 2023. – С. 14–16.
10. Аватков, В. А. «Мир больше пяти», или справедливость по-турецки / В. А. Аватков, Р. И. Гузаеров // Современная Европа. – 2023. – № 1. – С. 194–201. – DOI: 10.31857/S0201708323010163.
11. Российско-турецкие отношения: торгово-экономическое сотрудничество / под ред. Н. К. Арбатовой. – Москва: ИМЭМО РАН, 2012. – 112 с. Москва: ИМЭМО РАН, 2012. – 112 с.
12. Аватков, В. А. Внешнеполитический курс Турецкой Республики в рамках современной системы международных отношений: дис. д-ра полит. наук: 23.00.04. – Москва, 2020. – 472 с. – 2020. – 472 с.
14. Федеральная таможенная служба РФ. Статистика внешней торговли Российской Федерации: [сайт] [Электронный ресурс]. – URL: https://customs.gov.ru (дата обращения: 12.02.2026).
15. Аватков, В. А. Взгляды ключевых парламентских партий Турции на энергетическую безопасность страны на современном этапе / В. А. Аватков, Л. Д. Мишин // Геоэкономика энергетики. – 2025. – № 4 (32). – С. 102–116. – DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_102.
16. Аватков, В. А. Турция – Запад: образцовый антагонизм? / В. А. Аватков, А. И. Сбитнева // Современная Европа. – 2023. – № 5. – С. 31–43. – DOI: 10.31857/S0201708323050030.
17. Статистический обзор мировой энергетики компании BP, 2022. 71-е издание. – Лондон: БиПи, 2022. – 58 с. Лондон: БиПи, 2022. – 58 с.
18. Григорьев, А. Газовый хаб: выгоды для Турции, уступки России, проблемы и перспективы // «Мягкая сила» и внешняя политика Турции: между экспансией и реалиями: коллективная монография / под ред. Я. А. Амелиной. – 2023. – С. 118–121.
19. Официальный сайт АО «АККУЮ НУКЛЕАР». Проект АЭС «Аккую»: [сайт]. – URL: akkuyu.com [Электронный ресурс]. // Официальный сайт АО «АККУЮ НУКЛЕАР». (дата обращения: 10.01.2026).

Economics and energy as an «anchor» of stability of the russian-turkish partnership under conditions of political turbulence

Popov V.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

The article analyzes the role of trade, economic, and energy cooperation as a fundamental stabilizing factor (an «anchor») of Russian-Turkish relations in the XXI century. Based on the neorealist approach and the theory of international interdependence, the author thoroughly examines the dynamics of bilateral trade turnover under conditions of large-scale geopolitical crises and harsh sanctions pressure. The paper reviews in detail the key stages in the evolution of trade and economic ties, and identifies the specific patterns of their recovery following periods of political tension. Special attention is paid to energy mega-projects in the field of gas infrastructure and nuclear energy (Akkuyu NPP), which form a long-term technological, financial, and economic coupling of the parties. The author proves that economic pragmatism and the tactics of separating disputed issues («compartmentalization») allow Moscow and Ankara to effectively maintain the overall stability of their partnership within the emerging polycentric world. In conclusion, the article provides a prognostic assessment of the development of bilateral ties, analyzes the risks of intensifying secondary sanctions pressure from Western countries, and outlines possible ways for adapting the financial and settlement systems of Russia and Turkey to new geopolitical realities.

Keywords: Russia; Turkey; Russian-Turkish relations; economic interdependence; energy cooperation; TurkStream; Akkuyu NPP; economic pragmatism; compartmentalization; polycentric world; foreign policy; secondary sanctions; bilateral trade turnover; geopolitical crisis; financial systems adaptation.

References

1. Waltz, K. (2008). [Theory of International Politics]. In T. A. Alekseeva (Ed.), Sovremennaya politicheskaya teoriya: khrestomatiya [Modern Political Theory: Anthology] (P. 135–167). Moscow: ROSSPEN. (In Russian).

2. Morgenthau, H. (2002). [Political Relations Among Nations: The Struggle for Power and Peace]. In P. A. Tsygankov (Ed.), Teoriya mezhdunarodnykh otnosheniy: khrestomatiya [Theory of International Relations: Anthology] (P. 72–88). Moscow: Gardariki. (In Russian).
3. Mearsheimer, J. (2014). The Tragedy of Great Power Politics (Russian edition). Moscow: AST, 544 P. (In Russian).
4. Keohane, R. O. & Nye, J. S. (2001). Power and Interdependence (Russian edition). Moscow: Aspekt Press, 432 P. (In Russian).
5. Avatkov, V. A. & Sbitneva, A. I. (2023). [Türkiye in the Modern World: Between Democracy and Authoritarianism]. Aktual'nye problemy Evropy [Current Problems of Europe], (1), 270–288. DOI: 10.31249/ape/2023.01.12 (In Russian).
6. North, D. (1997). Institutions, Institutional Change and Economic Performance (Russian edition). Moscow: Nachala, 180 P. (In Russian).
7. Davutoğlu, A. (2001). Stratejik Derinlik: Türkiye'nin Uluslararası Konumu [Strategic Depth: Türkiye's International Position]. İstanbul: Küre Yayınları, 584 P..
8. Trenin, D. V. (2021). Novyy balans sil: Rossiya v poiskakh vnesnepoliticheskogo ravnovesiya [New Balance of Power: Russia in Search of Foreign Policy Equilibrium]. Moscow: Alpina Publisher, 471 P. (In Russian).
9. Areshev, A. G. (2023). [The Situation in Syria and Erdogan's Neo-Ottoman Complexes]. In Ya. A. Amelina (Ed.), “Myagkaya sila” i vneshnyaya politika Turtsii: mezhdu ekspansiey i realiyami [«Soft Power» and Türkiye's Foreign Policy: Between Expansion and Realities: collective monograph] (P. 14–16). Moscow: A. V. Vorobyev Publishing House. (In Russian).
10. Avatkov, V. A. & Guzaerov, R. I. (2023). [«The World is Bigger than Five», or Turkish-Style Justice]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe], (1), 194–201. DOI: 10.31857/S0201708323010163 (In Russian).
11. Arbatova, N. K. (Ed.). (2012). Rossiysko-turetskie otnosheniya: torgovo-ekonomicheskoe sotrudnichestvo [Russian-Turkish Relations: Trade and Economic Cooperation]. Moscow: IMEMO RAN, 112 P. (In Russian).
12. Avatkov, V. A. (2020). Vneshnepoliticheskiy kurs Turetskoy Respubliki v ramkakh sovremennoy sistemy mezhdunarodnykh otnosheniy [The Foreign Policy of the Republic of Türkiye within the Modern System of International Relations] (Doctoral dissertation). Moscow, 472 P. (In Russian).
14. Federal Customs Service of the Russian Federation. External Trade Statistics of the Russian Federation. Available at: (accessed 12 February 2026) [Электронный ресурс]. – URL: https://customs.gov.ru.
15. Avatkov, V. A. & Mishin, L. D. (2025). [Views of the Key Parliamentary Parties of Türkiye on the Country’s Energy Security at the Present Stage]. Geoeconomika energetiki [Geoeconomics of Energetics], (4), 102–116. DOI: 10.48137/26870703_2025_32_4_102 (In Russian).
16. Avatkov, V. A. & Sbitneva, A. I. (2023). [Türkiye – West: An Exemplary Antagonism?]. Sovremennaya Evropa [Contemporary Europe], (5), 31–43. DOI: 10.31857/S0201708323050030 (In Russian).
17. BP Statistical Review of World Energy 2022 (71st ed.). (2022). London: BP Energy Economics, 58 P. London: BP Energy Economics, 2022. – 58 c.
18. Grigoryev, A. (2023). [Gas Hub: Benefits for Türkiye, Concessions to Russia, Problems and Prospects]. In Ya. A. Amelina (Ed.), “Myagkaya sila” i vneshnyaya politika Turtsii: mezhdu ekspansiey i realiyami [«Soft Power» and Türkiye's Foreign Policy: Between Expansion and Realities: collective monograph] (P. 118–121). Moscow: A. V. Vorobyev Publishing House. (In Russian).
19. Official website of JSC AKKUYU NUCLEAR. Akkuyu NPP Project. Available at: akkuyu.com (accessed 10 January 2026). JSC AKKUYU NUCLEAR, 2026.